

The illustration is a monochromatic, muted-toned drawing. It depicts two young men in a room with a large window. On the left, a gnarled, leafless tree stands in the foreground, its roots spreading across the floor. Behind it, a young man with short brown hair and a neutral expression looks directly at the viewer. To the right, another young man with short brown hair is shown in profile, looking out the window. The window reveals a cityscape at dusk or dawn, with buildings and a few lights visible. The overall mood is contemplative and somber.

Сергей Краш

**За
стеной:
начало**

Сергей Краш
За стеной: начало

«Автор»

2026

Краш С.

За стеной: начало / С. Краш — «Автор», 2026

Земля разрушена и заражена после Великой Катастрофы. Мы - оставшиеся в живых клоны, поселились в шахте, глубоко под землей и каждый день добываем золото, которое кормит Систему, дающую жизнь. Но я, один из работников шахты, не могу смириться с вечной участью раба. Мне хочется сбежать из шахты и хоть одним глазом посмотреть на мёртвую землю. И действительно ли она мертва? Или всё это выдумки старых, уже рехнувшихся клонов? И то, что нам представляется правдой, на самом деле лишь грандиозный обман?

© Краш С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	24
Глава 6	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Сергей Краш

За стеной: начало

Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые,
а худое дерево приносит и плоды худые.

Не может дерево доброе приносить плоды худые,
ни дерево худое приносить плоды добрые.

(Мф, 7: 17-18)

Пролог

Восточное солнце давно уже скрылось за багрово-сизой дугой горизонта, когда Сасон покинул стены своего ветхого дома. Благо, его Нээманут была еще совсем молода, а потому слепо верила, что все их с мужем беды и лишения в скором времени канут в темную и непроглядную Лету. Ей постоянно представлялось, как они с мужем вернутся на покинутую когда-то родину радостными и прощенными. Может именно эти мысли помогали этой женщине каждый день засыпать сном тяжелым и беспробудным. Сегодня любимая супруга легла в кровать раньше обычного вместе с розовощекими близнецами, появившимися в доме неделю назад.

Вечерний горячий воздух с самого порога захватил в свои терпкие объятия отца семейства. Сасон глубоко вдохнул запах спелой хвои, которым так щедро в этот год делились сосны, и внимательно посмотрел на восток, где стояла в одиночестве старая, белокаменная церквушка. Возраст ее перевалил уже за два с лишним века, но она все так же радовала глаз отшельника.

Сегодня утром Сасон опять отслужил Божественную Литургию под одно лишь хриплое пение Нээманут, которую измучили тяжёлые роды. Боль не хотела отпускать ее до конца, и бедная женщина, подвязав свой хлипкий живот старой заштопанной толстовкой, всю службу тихо постанывала между антифонами и тропарями, как старый одинокий пёс, похоронивший хозяина. Одной рукою она опиралась на аналой, а другою - поглаживала близнецов, дружно сопевших на широкой лавке.

Иногда герою нашему было грустно и одиноко от того, что край их был так безлюден и пуст. Как бы хотел Сасон хоть раз встретить под тихими сводами Дома Господня еще одного человека и разделить с ним свою духовную радость, переливающуюся через край его горячего пастырского сердца. Но в Маветской пустыни, где они скрывались вдвоем с любимой женой, издревле жили лишь одни нелюдимые отшельники. Алчные же жители Авелии всегда скучали в её краях и не спешили покидать насиженные разноцветные гнезда только лишь для того, чтобы послушать заунывные церковные распевы.

Здесь, в этих далеких пустынных землях, скрывался когда-то дед нашего героя, которого чуть не растерзала разъяренная толпа, так желавшая увидеть чудо после совершенных в храме молитв. Здесь же, видимо, должен был доживать свои последние дни, и он сам.

Мясная пицца в доме Сасона закончилась три дня назад, и все эти сутки они с Нээманут утоляли голод лишь плодами растущих неподалеку деревьев. Однако старый священник никогда не отправлялся на охоту без молитвы. В этот день он тоже решил первым делом навестить храм, который почти не покидал в последние дни.

Перед самым входом он вдруг сделал остановку и посмотрел направо, где росла высокая раскидистая фига. Кто посадил это дерево, Сасон доподлинно не знал. Оно росло еще при его деде, прославившемся особенною любовью к сочным спелым смоквам. Когда наш священник поселился в лесу, дерево было почти засохшим, с грязно-желтыми тонкими листьями, свисавшими с таких же тонких бледных ветвей бесполезными потрепанными лоскутами.

Сасону стало почему-то жаль фигу, и он стал ее выхаживать. Каждый день священник поливал больное дерево студеною водою и подпитывал птичьим пометом. Он не знал доподлинно, смогут ли эти самые средства оживить смоковницу. Единственное, что подталкивало его на все эти действия была слепая и почти детская вера, которой он был обучен с детства. И может быть именно благодаря этой вере, простой, а потому и бесконечно-мудрой в своей простоте, смоковница в скором времени ожила, покрылась новыми листьями, а через несколько месяцев, прямо на Пасху, начала плодоносить.

Всякий раз, бросая взор на ее широкую изумрудную крону, укрывающую под своими влажными сочными сводами белоснежное тело храма, Сасон чувствовал себя по-настоящему счастливым и довольным. У него был дом с любимой женою, выращенное дерево, а теперь

еще и сыновья. Оставалось только вновь обрести родину, но об этом пока бедный священник думал с большой осторожностью и опаской.

Отворив покосившуюся деревянную дверь, Сасон шагнул в крошечный притвор, где когда-то велась торговля церковной утварью.

Сейчас маленький киоск, занимающий почти треть помещения, принимал лишь неугомонный ветер, прорывавшийся иногда сквозь толстые щели полуразрушенных стен. Когда Сасон стоял в алтаре, который был отгорожен от средней части церкви небольшим иконостасом с двумя маленькими рядами образов, сердце его всегда наполнялось трепетным праведным страхом. Поэтому священник так любил быть на службах. Ведь здесь, стоя один на один перед престолом Божиим и глядя на небольшое деревянное Распятие, он понимал, что все их с женою лишения и трудности - лишь малая часть того, что претерпел этот прибитый к кресту Великий Мученик.

Сегодня же Сасон решил не проходить в алтарь, а прочитать молитву прямо посреди храма, возле амвона, куда всегда с такой радостью заступала его любящая слово душа. Изъяв из складок ветхого подрясника старый потрепанный домашний молитвослов, он не спеша пропел начальные молитвы и приступил к Богородичному акафисту, которым он сопровождал любое свое дело, пусть даже и не требующее особенных трудов. Дойдя до второго икоса, Сасон медленно наложил на себя крест и также медленно пропел, обратившись глазами к образу Иверской иконы Пречистой Девы, украшавшему левую сторону царских врат:

- Радуйся Невесто Невестная!

Уже принявшись за следующее песнопение, он вдруг услышал позади себя чьи-то тяжелые шаги, принадлежавшие, судя по громкому отчетливому стуку, крепкой мужской ноге. Сасон подумал, что это, видимо, Нээманут спросонья перепутала обувь и облачилась в его охотничьи сапоги. Он осторожно повернул голову на стук и застыл на месте. Тот, кто стоял сейчас перед ним, не был его женою.

Это было лицо незнакомое, самоуверенное и надменное, и принадлежать оно могло только одному из авелийцев, о которых он уже почти забыл. Перешагнувший порог храма незнакомец был облачен в черный блестящий плащ, тщательно скрывающий крепкое мужское тело. Он был среднего роста, плечист и немного сутуловат, что придавало его и без того дерзкому облику еще большую наглость. Голова его была спрятана под такую же черную широкополую шляпу, из-под которой выглядывали наружу два каре-зеленых маленьких глаза, находившихся в постоянном движении.

- Левит? – не поздоровавшись, спросил у священника посетитель церкви.

Дрожащими руками Сасон закрыл книгу и склонил голову. Бедный служитель знал, зачем пожаловал к нему этот одетый в черное господин.

- Можно мне закончить молитву? – едва слышно спросил он у авелийца.

Лицо последнего перекосила ухмылка.

- Я пока покурю, - бросил он в ответ, - на улице еще пять человек, так что советую не оказывать сопротивление.

- Я знаю, - еще тише пробормотал Сасон. – Прошу вас только, не будите жену и детей. Они заснули пятнадцать минут назад.

Черный гость кивнул в знак согласия и поспешно покинул церковь. Из глаз Сасона, который никогда не позволял себе плакать, даже оставаясь наедине с собственной тенью, потекли тонкими струйками слезы. Он всегда стойко переносил испытания голодом, испытание той нищей жизнью, на которую они обрели себя вдвоем с Нээманут.

Однако противостоять сильным мира сего было неоправданным безумством. Сасон был знаком с жестокими нравами той страны, которую он дерзнул когда-то оставить, и теперь он был уверен, что их заставят страдать.

Открыв молитвослов все еще дрожащими от волнения пальцами, он принялся снова читать акафист только на этот раз более спешно, то и дело задыхаясь от подступавшего к горлу страха. Наконец, проговорив вслух последние строчки молитвы, Сасон упал на колени, поднял голову к Пресвятой Владычице и отчаянно крикнул, словно ребенок, отнятый у родителей:

- Матушка, помоги!

Светлый чистый и спокойный лик Богородицы будто нарочно стоял в стороне от тех событий, которые происходили сейчас за стенами храма. Сасон поднялся с колен и направился к иконе Спасителя. Вседержитель, так долго укрывавший его и кроткую Нээманут от нечистых рук авелийцев, теперь Сам отдавал их в голые лапы зверя, как когда-то отдал Себя в руки разъяренной иудейской толпе, жаждущей крови, той толпе, сыновей и дочерей которых Он каждый день воскрешал и избавлял от проказы и слепоты.

В этих карих миндаликах, поместившихся под тонкими прямыми бровями, в длинной и такой же тонкой переносице читалась строгость и покорность, та сыновья покорность, с которой Он дошел до конца.

«Только веруй, - всегда говорил Сасон приходившим к нему на исповедь авелийцам, - только веруй и носи на себе свой крест. А Он тебе поможет, как Симону Киринаянину. Поможет дойти до своей Голгофы. Она ведь, мой друг, Голгофа у каждого из нас имеется, только не все мы до нее хотим дойти».

И слова эти, несмотря заключённый в них страшный смысл, казались ему чем-то обыденным и само собой разумеющимся. И теперь он стоял уже совсем близко рядом со своей Голгофой, но, чтобы до нее дойти, нужно было пострадать, пострадать телесно и не быть сломленным.

- Пощади, отче, пощади! – прошептал Сасон, склонившись над иконой Спасителя.

Но в этих черных глазах стояли по-прежнему спокойствие и решительность.

Священник перевел взгляд на потир, оставленный на жертвеннике, и застонал от подступающих к горлу рыданий. Эту Чашу с живою Плотью и Кровью великого Мученика, Чашу, к которой каждый день он звал своих заблудших овец, Сасон просил теперь пронести мимо. И от этого малодушия ему стало еще больнее и гаже.

Выйдя на улицу, Сасон не обнаружил своего гостя. Он и его свита, вероятно, успели пробраться в дом и теперь обыскивали его любимую Нээманут. Бедный церковный служитель не ошибся. Не успел он переступить порог своего нищего жилища, как сразу был схвачен за руки. Черный господин, встреченный им в церкви, накинул на его запястья наручники и грубо прижал к стене.

Одна-единственная маленькая комната, где мирно ютились десять лет он и его жена, была теперь занята пятью незнакомцами, замотанными, как и их начальник, в одинаковые черные одеяния. Сама Нээманут сидела возле огромного деревянного корыта, где раньше полоскалось белье. Теперь оно служило люлькой двум ее сыновьям.

Человек с таким же мирным душевным устроением, как у Сасона, искренне и глубоко посочувствовал бы нашим героям, которым приходилось жить в такой нищете. Но авелийский народ никогда не был сердобольным, поэтому черные гости священника с превеликим равнодушием смотрели на голые некрашенные стены и прогнившие от времени полы, застланные сухой соломой.

Все богатство Нээманут и ее праведного мужа состояло разве что в большом коробе, сколоченном из сосновых досок. В нем хранились вещи хозяев. Постель им заменял все тот же пол, а пища готовилась на маленькой каменной печке, сложенной заботливой рукою Сасона. Единственным предметом, напоминавшим о когда-то покинутой брэнной цивилизации, был темно-бордовый навигатор, работающий от солнечных батареек. Последний мирно лежал на маленькой деревянной коробке, приставленной к печке и заменявшей нашим героям стул.

Когда-то благодаря ему хозяевам удалось отыскать Маветскую пустынь, ставшую местом их долгого укрытия. Теперь же он развлекал время от времени своим бледно-желтым экраном маленьких близнецов, спрятанных на самом дне люльки.

Увидев мужа, Нээманут, уже успевшая догадаться, что было нужно пришедшим в их дом гостям, подбежала к Сасону и повисла на его шее в громких прерывистых рыданиях.

- Ну хватит, полно, милая, они нас не тронут, - поспешил успокоить ее муж и обернулся к гостям. - Я прошу лишь, оставьте детей и жену мою, ни в чем не виновных. Со мной же делайте все, что вам вздумается, можете даже пытаться, я готов.

- Вы нам нужны лишь как сопровождающие, - ответил за всех все тот же господин, которого Сасон встретил в храме. - Маарах приказал взять детей.

Нээманут снова залилась слезами и бросилась к люльке, прикрывая ее худым ослабленным от родов телом.

- Нет, я не дам их, не дам! - закричала она в лицо обидчикам и словно в подтверждении своих слов плотно прижалась грудью к спящим младенцам.

- Женщина, вы пройдете сейчас вместе с мужем и моими помощниками, а ваших детей я унесу в отведенное Маарахом место, - с равнодушным спокойствием ответил черный господин. - Мы даем вам десять минут на сборы.

И, сделав знак рукою своим черным прислужникам, он вышел вместе с ними за дверь.

Нээманут села в изнеможении на пол. Ее материнское сердце, равно как и душа, были полностью опустошенными.

- Милая, нам нужно, слышишь, нужно сделать так, как они велят, - обратился к ней снова Сасон и осторожно положил свою голову ей на плечи. Но Нээманут в злобном отчаянии отодвинула ее от себя.

- Ты знаешь, я не буду без них жить, - прошипела она в лицо мужу.

Глаза её налились кровью, зрачки расширились от гнева. В это мгновение она была похожа на львицу, у которой хотят отнять только что народившихся детёнышей.

- Мы и так уже почти на том свете. Ты знаешь, куда нас с тобой отведут, знаешь лучше меня. Это ведь ты мечтала сбежать из Авелии, ты хотела быть праведной и не зависеть от греха!

Нээманут сделала глубокий вдох, который выражал на ее языке полное смирение и покорность. Повернувшись к Сасону, она тихо прошептала ему в лицо:

- Покрести Едома.

Ещё вчера во время крещения младшего из близнецов слова его жены казались вполне обычным будничным делом. Едом приболел накануне таинства и потому был оставлен дома. Однако Сасон и Нээманут были уверены, что младенец скоро поправится. Тем более, что уже сегодня с утра он чувствовал себя вполне здоровым и с удовольствием заигрывал с братом.

Но сейчас всё, что говорила Нээманут, было сродни безумству. Однако пастырским сердцем своим Сасон понимал, что просьба его жены должна быть исполнена.

Он крепко поцеловал её в ее горячий от волнения лоб и отправился к своим обидчикам. Нээманут не знала, сколько времени она провела без Сасона наедине с любимыми сыновьями. Все эти драгоценные минуты она наглаживала их чистые светлые головы и повторяла про себя: «Богородице Дево, радуйся». Наконец, дверь с шумом ударилась о бледную каменную стену. Двое черных господ, словно коршуны, ворвались в комнату и потащили Нээманут за собой. Уже у самого порога она обернулась к малышам, которые, ничего не подозревая, продолжали сладко посапывать во сне, и мысленно перекрестила их. Близнецы лишь тихо застонали в ответ.

Спустя буквально минуту они уже лежали на широких плечах незнакомца, потревожившего молитву Сасона. Он торопливо нес младенцев через чащу Маветского леса к красно-черному планеру, который должен был их доставить в подземный приют. Яков и Едом покидали родные земли, покидали, казалось бы, навсегда. Провожали их лишь хлипкий ветер, прилетевший внезапно с запада, и громкий истошный плач Нээманут.

Глава 1

[Вы вышли из системы. Сохранить последние обновления? При положительном ответе нажмите на левую клавишу].

Громкий монотонный голос произнес знакомую фразу. Я кликнул по зеленой кнопке и открыл глаза. Каждое возвращение в подземный мир, где мне довелось не просто родиться, но почти дожить до совершеннолетия, давалось мне с трудом. В этот самый момент я ощущал себя младенцем, нагло отнятым от материнской груди. И хотя я никогда не видел своей родительницы, я всегда почему-то думал, что именно так, а не иначе должен себя чувствовать человек, когда его забирают из материнских рук. Над моими догадками о собственном происхождении часто смеялись остальные насельники Иверетской шахты.

Особенно же преуспел в этом неблагоприятном деле мой сосед - E02. Капсула его, кстати, находилась прямо у меня под боком.

Оба мы, появившиеся на свет из Великой Матки, унаследовали весьма странную внешность. Виновником ее, по словам метов, стала некая ошибка в генетическом коде. Дело в том, что все остальные работники были точными копиями друг друга и отличались разве что набором цифр, небрежно вышитых на нагрудном кармане робы. Эти живые клоны имели пшенично-русые волосы, низкий лоб, тонкий, расширенный книзу нос и такие же тонкие, вечно сжатые губы, хорошо сочетавшиеся с четко очерченным остроугольным подбородком.

Я лишь в последние несколько лет смог привыкнуть к своей неклонированной внешности. Когда мы с E02 жили в стенах Красного интерната, где кроме нас подрастало еще несколько тысяч детей, нам постоянно приходилось ловить на себе любопытные взгляды клонов, от которых мы каждый раз сильно смущались.

Высвободившись из капсулы, я взглянул на часы, впечатанные в стену умелой рукой E02. Они показывали без четверти восемь. Мenee, чем через полчаса заступала на работу моя смена, поэтому мне нужно было поторопиться. В отличие от меня, E02 продолжал лежать в закрытой капсуле и, судя по безмятежно-равнодушному выражению лица, вовсе не торопился выйти из игры.

Я тихо подошел к ложу соседа, напоминающему огромный каменный гроб, и осторожно постучал по такой же огромной крышке из керамического стекла.

С громким стуком она откинулась в сторону, и из широкого чрева капсулы показался наконец-то наружу мой сосед, похожий на меня как две капли воды. Тот, кто впервые бы увидел нас воочию, возможно, поразился бы нашим необычайным сходством. У E02 были такие же темно-каштановые волосы, постоянно свисавшие черными неухоженными паклями на бледный высокий лоб. Благодаря маленькому носу, немного вздернутому кверху и таким же маленьким пухлым губам, соседствовавшим рядом с круглыми щеками, он казался намного младше своих восемнадцати лет. Однако еще большую детскость придавали ему крошечные, чуть больше горошины, ямочки, которые проглядывали наружу всякий раз, когда он улыбался (а случалось это в последнее время с ним совсем не часто). Точно такие же ямочки были и у меня на щеках.

Можно сказать, что нас было почти не отличить друг от друга. Но тот, кто внимательно пригляделся бы к лицу E02, сразу заметил бы на нем серо-желтые пятна, какие обычно можно встретить на лицах у чахоточных больных. И действительно, сосед мой вот уже три месяца мучился от болезни, знакомой для всех обитателей Иверетской шахты. От этого тяжелого недуга каждый день у нас умирали десять, а то и двадцать юных работников.

Мне казалось, что E02 уже смирился со своей горькой участью. Но в последние две недели его стали мучить ко всему прочему боли в глазах. Из-за них он не мог играть, а значит и не мог охотиться на крагиботов в любимом «Цяяде». Бескрайние просторы солнечной Цяядес-

ской долины, где каждый день он ловил грубую и непокорную дичь, так согревали глаза, привыкшие лишь к сумеречному подземельному свету. Игра заставляла его хотя бы на несколько часов забыть о той каторжной невыносимой работе, которую каждый день выполняли мы, жители гигантского Иверета.

Сегодня же лицо E02 было особенно мучительно-бледным. Он уже неделю не появлялся в шахте. А за любой прогул работник Мертвого каньона получал обычно три удара плетью как провинившийся перед Великой Маткой ребенок.

Тяжело прокашлявшись, E02 подошел к широкому плоскому камню, на котором покоилась его любимая железная кружка. Встав на колени, он протянул дрожащие руки к посуде и, взяв ее тонкими жилистыми пальцами, тихо прислонил ко рту. В следующую секунду раздалось истошное хриплое рычание. Я быстро отвернулся к двери, чтобы не видеть его страдания.

Дождавшись с привычным терпением окончания приступа, я подоспел к E02 и вытер краем робы, в которой иверетские шахтеры не только работали, но и проводили ночь, его окровавленные губы.

- Оставь, оставь и иди, - нервно прошептал E02, отодвигая в сторону мои заботливые руки, - ты же знаешь, я – покойник. Дело лишь в одном-двух днях. Или я умру от чахотки или буду забит до смерти плетью.

Я присел возле него, этого покалеченного болезнью подобия человека, и прижал к себе его хрупкое тело, от которого остались лишь одни торчащие в разные стороны ребра.

- Послушай, - обратился я к нему, - зачем ты каждый день говоришь о смерти? Если ее постоянно звать, она тебя и вправду когда-нибудь услышит. Зови лучше жизнь и тогда...

- Прекрати, - простонал мой сосед, - прекрати, ты говоришь ерунду. Еще две недели назад я не хотел, слышишь, не хотел уходить из этого проклятого мира. Но когда уже из глаз потекла кровь, я понял, что все, моя песня спета, окончательно и бесповоротно.

- Просто оставь на несколько дней игру, - проговорил я тихим голосом, пытаясь его успокоить.

- Ты хочешь, чтобы я лежал целый день в капсуле и ждал плети? Я – охотник, понимаешь, охотник! Этот проклятый серый мир, эти проклятые клоны! Знаешь, знаешь, где они у меня уже все сидят? Я не могу здесь даже слово сказать, чтобы себя защитить. А там, там, все так красочно и светло, там я чувствую свое достоинство, понимаешь, мое достоинство! Здесь, в этом мире нас каждый день втаптывают в грязь эти меты, эти ничтожества в масках, а там я сам втаптываю всех в грязь. Всех, всех, слышишь? Даже самого короля крагиботов!

И вскинув руки над головой, он угрожающе помахал ими в воздухе, будто пытаясь показать свое величие, задавленное суровыми стражниками.

- Тихо, тихо, друг!

Я испугался, что нас могут услышать, и снова крепко прижал к холодному мертвецкому телу свой теплый бок, в котором билась всеми красками жизнь.

А затем, словно о чем-то вспомнив, едва слышно, проговорил:

- Ты знаешь, я тоже иногда чувствую, что есть другой мир. Мне почему-то кажется, что он совсем не рядом, не в этой каменной коробке, а там, где-то наверху, под небесными сводами. Мне кажется, вопреки всем рассказам метов, там есть жизнь, такая же, какую мы видим в игре, и даже намного ярче и богаче.

- Твои слова, ты знаешь, в них нет истины. Они – одна сплошная фантазия, - горестно вздохнул несчастный мученик. – С самого детства ты любил больше всего на свете воображать. Помню, ты когда-то рассказывал клонам, что мы произошли с тобой от человеческой матери. Теперь ты говоришь, что там наверху есть жизнь. Тебе так же, как и мне, известно все. Земля разрушена. А там, там осталась одна лишь лава. Планета мертва. Мы вынуждены жить здесь, чтобы спастись. Только вот я не знаю точно, что было бы для меня лучше – родиться и мучиться здесь в темноте или сразу же потонуть в жарком пламени.

- Друг, ведь я с тобой почти согласен. Но только вот почему меты живут намного дольше клонов?

- Потому что они работают намного меньше, чем мы.

- Хорошо, а где тогда берут для нас кислород?

- Ну вот ещё один глупый вопрос. Где берут? Наверное, из-под земли.

- Из-под земли можно достать только золото, а в золоте воздуха нет.

- Ох, Я01, ты слишком любопытный, - улыбнулся мне в ответ Е02, - даже более, чем слишком для нашего Иверета. Этим ты и отличаешься от клонов, которым наплевать даже какого цвета солнце в игре.

Однако в эту же самую секунду нашу милую беседу прервал громкий стук, неожиданно раздавшийся за дверью.

- Я01, Е02, на работу! – услышали мы грубый крик.

- Ох, Я01, иди скорее и скажи мету, что я снова болен, - умоляюще прошептал Е02.

Я приблизился вплотную к стальной двери, преграждавшей выход наружу, и так же громко прокричал в ответ:

- Один из нас болен!

- Е02, ты болеешь уже шестьдесят один день, - таким же монотонно-ровным голосом прогорланил мой невидимый собеседник, - а положено всего шестьдесят. Кто не исполняет долг перед Великой Маткой более двух месяцев, будет предан публичной порке. Сегодня ты получишь по три плети за каждый день своего отсутствия.

Я с шумом отворил дверь и отвесил глубокий поклон представшему передо мною человеческому силуэту. Ибо метов никто не мог назвать в полной мере людьми, так как лица их были скрыты от окружающих под темно-синими шерстяными чулками. Единственное, что напоминало остальным о том, что они все-таки принадлежат человеческому роду, были глаза, проглядывавшие сквозь небольшие разрезы. Причем, как давно я заметил, у всех метов они имели разные форму и цвет. Это означало, что они, так же, как и мы с Е02, появились на свет, благодаря все той же генетической ошибке.

Глаза мета, приставленного к нашей роте, были маленькими и все время как будто сощуренными, несмотря на то, что в подземных стенах почти не было света. Они постоянно светились каким-то хитрым, злобным и неприятным огоньком и излучали уверенность, присущую всем управленцам. На нас с Е02 глаза его всегда смотрели с особой неприязнью.

- Где сосед? – не поздоровавшись со мной, бросил мет.

- Е02 перед вами, а Я01 приболел, - бодрым голосом ответил я.

- Еще вчера разгружал энергетические камни, а теперь валяется в капсуле? – усмехнулся мет и шагнул вперед, намереваясь войти.

Я поскорее преградил рукой ему путь и повторил таким же твердым решительным тоном:

- Он перед вами, господин.

- Хорошо, - прохрипел мет недовольным голосом, - хорошо, гни здоровую спину за больного никому ненужного тунеядца. Только вот в отличие от лица, здоровье у вас не одно на двоих.

И в раздражении ударив об косяк своим жилистым кулаком, он направился обратно к шахте. Я облегченно выдохнул и вернулся обратно к Е02, стонавшему от дикой боли, разрывавшей надвое все его кости.

- Друг, только не думай обо мне сейчас, займись собой, - пролепетал я ему своим звонким голосом, поглаживая черные, как сажа, волосы, тяжелыми космами спадающие на плечи.

Е02 только послушно покачал головой. Поцеловав его, своего названного друга и брата, в холодный как камень лоб, я тихо направился к двери. Снаружи меня уже поджидали два клона, присланные заботливой рукою мета.

Глава 2

Я всегда боялся порки, хотя и думал постоянно, что пострадать за кого-то и тем более потерпеть физические мучения - это дело не только нужное, но и полезное.

В Красном интернате, где мы с Е02 провели всё детство, воспитатели учили лишь, как правильно держать лопату и как различать драгоценный камень от обычной фальшивки.

Нам с самого детства упрямо внушали, что желтая энергия, за которой мы с Е02 каждый день спускались почти к самому ядру Земли, была необходимой пищей для Великой Матки и Великой системы. Поэтому и Е02, и другие клоны нисколько не противились этому мнению. Никто из жителей Иверета не ставил под вопрос эти неоспоримые факты, никто, кроме меня.

Почему же я вдруг так неслышно затесался в ряды сомневающих и почему во мне всегда обитали эти мысли, которые противоречили общей заданной формуле?

Пришло время вам ответить на этот вопрос, уважаемый мой читатель, а также рассказать подробнее, зачем мне пришла в голову мысль делать эти записи, которые быть может никому больше, кроме меня, не понадобятся.

Если вы предложили мне вспомнить самые яркие впечатления из моего совсем еще ребяческого возраста, то первое, чтобы я воскресил в памяти был тот день, когда мне впервые дали в руку книгу.

Это случилось в мой третий день рождения. Хотя я не знал, да и не мог знать время, когда я появился на свет, но мне почему-то всегда хотелось, чтобы днем этим был двадцать четвертый день зимы. Раньше, до Великой Катастрофы, наши предки жили наверху, на черной земле и зеленой траве. Над ними светило солнце, которое теперь мы можем видеть только в игре. У этого источника света было такое влияние не только на умы наших предков, но и на всю обитающую на планете природу. Когда оно поднималось особенно высоко, на земле нашей наступало лето, а когда пряталось за облаками – приходила зима.

Мет, бывший воспитателем в нашей группе, часто нам говорил, что вот сейчас, в это самое время земля была бы покрыта первыми крупными снегами, и мы догадывались, что к нам незаметно подкрался декабрь.

Часто я говорил ему, что в двадцать четвертый день зимы Великая Матка произвела на свет нас с Е02. Он обычно посмеивался и гладил нас по нашим темно-каштановым вихрам.

Он был не похож на остальных воспитателей, был постоянно весел и даже шутил. Под его бледно-серыми глазами, которые проглядывали сквозь круглые прорези, были несколько уже заметных глубоких морщинок – немых свидетелей его почтенного возраста.

Ко мне он относился с особой трепетностью. Не знаю, чем именно я, еще тогда совсем ребенок, мог его к себе расположить, но за обедом мне всегда доставался лучший кусок, и спал я не возле двери, как мой Е02, а рядом с теплым гостиным залом, где жили воспитатели.

Так вот, когда снова наступил мой третий день рождения, он взял меня за руку и отвел в подвальное помещение. Там, в одной из крошечных комнат, выбитых прямо в стене, находилось хранилище со стопками бумаг. Эти бумаги были разложены небольшими кучками и скреплены друг с другом с помощью толстых картонок.

Мет мой объяснил, что каждая из этих стопок зовется *книгой*, а также рассказал мне тогда, что в бумагах этих них сокрыта вся мудрость мира. И с этого дня он стал меня учить читать.

Вечерами, когда уже над Красным интернатом тушили желтый фонарь, возвещавший всем жителям о наступлении дня, воспитатель брал меня с кровати и спускался со мною в подвал, и там при тусклом свете свечей, мы, сгорбившись над книгами, впитывали в себя все доставшееся нам даром наследие предков.

Сначала я читал тоненькие книжечки с разноцветными толстыми вкладками, на которых были нарисованы диковинные существа. Мет рассказывал, что они назывались животными и жили раньше неподалеку от человеческих домов.

На страницах книг они не только двигались, но еще и разговаривали друг с другом и даже попадали в комические истории.

Например, мне особенно запомнилась история про одного кролика и лиса, постоянно враждовавших между собой. Я долго смеялся, когда прочитал, как однажды кролик заманил лиса в терновый куст.

Я рос и с возрастом возрастал не только мой организм, но и разум. Тело требовало больше пищи, а ум желал напиться новым чтением.

Мет мой к тому времени уже совсем состарился, и я совершал один эти ночные вылазки в подвал, каждый раз идя на страшный неоправданный риск. Чем именно меня привлекало чтение, я не знаю, но мне казалось, что в этой бумажной глыбе, которая прячется на самом дне земли, сокрыт весь смысл моей жизни, и что именно там скрываются ответы на все мучившие меня вопросы.

На моих глазах буквально оживали герои прошлых столетий, жившие в земном суетном мире. Я видел, как они переживали жизнь, как принимали смерть и как учились преодолевать мучительные испытания. И всегда мне хотелось попасть туда, к ним, раствориться с их жизнью, стать с ними одним существом.

Находчивые Дон-Кихоты, милые маленькие принцы, удачливые Гарри Поттеры целый день маячили у меня перед глазами и занимали все мои мысли.

Где-то в одной из стопок листов я однажды встретил слово *Бог*. Помню, как тогда меня оно сильно заинтересовало, потому что главный герой обращался к Нему с просьбами, и Он на все его просьбы давал ответ.

На следующее утро я спросил о Нем мета, но он лишь поднес палец к своему старческому рту и попросил, чтобы я больше не заводил таких разговоров.

Время шло, и книг с этим словом становилось все больше. Я понимал, что для древних людей оно было не просто звуком, а имело физический смысл. То есть это был Человек, наделенный огромной и непостижимой властью, который мог излечивать болезни, посылать деньги и завоевывать территории. Но жил Он не во дворце и не в доме с простолюдинами, а где-то в другом измерении и, видимо, управлял оттуда всеми мирами и войнами. Найти место Его обитания было делом невозможным, потому что нигде, ни в одной из книг об этом не говорилось ни слова.

Зато в нескольких совсем древних романах я встретил еще одно интересное слово «Христос». И в скором времени понял, что это, возможно Его второе Имя. Звучало оно как-то по-особенному тепло, как звучит обычно имя родственника или близкого друга.

Где-то в одной из маленьких книжек я прочитал, как Он однажды явился маленькому бездомному мальчику и отвел его на елку. А под утро обнаружилось, что мальчик замерз и умер. История эта подействовала на меня особенно сильно. И вообще все книги, в которых говорилось о Нем, я читал с особым увлечением.

Последняя книга, которая оказалась у меня в руках, была особенно интересной. Мне было уже двенадцать лет, и я заступал через месяц в шахту. Так вот в это самое время я прочитал книгу об одном семействе (запрятана она была почти на самом дне подвала). В ней говорилось о трех братьев, носивших фамилию Карамазовы. Одного из них по имени Дмитрий обвиняли в убийстве отца.

Я и раньше, пожалуй, брал в руки подобные истории, в которых расследовались чьи-то убийства, но эта на меня подействовала с непередаваемой силой. Здесь почти на каждой странице говорилось о Нем, и говорилось с необыкновенной жгучей силой. Каждая строка была

пропитана Его пребыванием, будто Он Сам был отдельным героем книги, или даже больше – её автором, и руководил всеми событиями.

В одной из глав, в разговоре двух братьев я услышал легенду о Великом Инквизиторе и несколько дней в мозгу у меня слышались отголоски слов безумного старика. Мне, рожденному в неволе и в вечной каторге постоянно не давал покоя вопрос о свободе. Только что стоит за этим призрачным словом, я решительно не знал. Быть может, каждый имеет право на свою собственную свободу, и моя свобода заключается в освобождении от этих рабских оков?

Я чувствовал, что за всеми метами, кроме моего воспитателя, стоит зло, и только он один как будто принадлежал другому роду.

Я говорил несколько раз об этом своему E02, но он только пожимал плечами. Он пробовал изучать буквы вместе со мной, но быстро соскучился. Играть в капсуле, как он считал, гораздо занимательнее.

А мне, мне было обидно за то, что мы родились после Великой Катастрофы, за то, что у нас нет света. Но больше всего меня томил мой нагрудный номер. У меня не было имени, и это было самым страшным приговором.

Мой мет утешал меня, объясняя, что сейчас ни у кого нет имен и что так называть нас, людей, гораздо удобнее. Но в словах его я чувствовал ложь. Впрочем, добиться от него истины в каком-либо вопросе было делом не из легких. Видно было, что он меня жалеет по-особенному и знает что-то больше нас, простых смертных клонов, но рассказывать об этом боится.

Его не стало за две недели до моего тринадцатилетия. Он уже почти не ходил и лежал в отдельной комнате для больных. За несколько дней до смерти к нему пришел наш бригадир и долго о чем-то беседовал. Потом он вылетел быстрее пули, с красными от гнева глазами, спустился в подвал и дал какие-то распоряжения воспитателям.

На следующей день мой читальный зал опустел, книги куда-то исчезли, а к мету, научившему меня читать, перестали пускать любых посетителей.

Мне было до жути обидно, что я не успел с ним даже проститься. Еще обиднее было мне, когда я лишился книг. Они были моими единственными товарищами в шахте, и я всегда к ним спешил после долгого рабочего дня. Теперь, когда их не стало, я, как и остальные клоны, стал играть в капсуле. К тому времени мне уже исполнилось четырнадцать, и нас разместили по бункерам и одели в робы.

Иная реальность, в которой мне удавалось бывать каждый день, была по-своему прелестна, но не шла ни в какое сравнение с книгами. Да, здесь можно было почувствовать себя в древнем мире, окруженным заботливою природой. Но здесь не было *мысли*, здесь не было того, над чем заставляли меня каждый день думать эти истории, запечатленные на бумаге. А главное здесь отсутствовала фантазия, которая помогала мне представлять мир, описываемый на страницах книг. В игре всё представлялось готовым, приторно-красным, а потому не очень интересным.

В скором времени я свыкся со своим положением, и даже полюбил по-своему свой труд. И возможно мое мысленное бездействие продолжилось бы и дальше, если бы E02 не заболел смертельной болезнью. Я вдруг понял, в одно мгновение, что наши земные дни – лишь прах, и никто о них не вспомнит, если мы сами не оставим после себя память. Я почувствовал, что должен, как и те великие люди, написавшие эти книги, запечатлеть свой след на бумаге. Мои потомки, которые, быть может, когда-то выйдут на свет, узнают про нас, клонов, тех существ, которые остались живыми после Великой Катастрофы и ушли под землю. И, быть может, рукописи мои найдут и сделают из них настоящую книгу.

Мой воспитатель-мет говорил мне, что древние писали сначала ручкой на листе, а потом уже несли в печать свое творение. Как-то я попросил показать этот волшебный предмет, оставляющий черточки на бумаге. Он молча принес мне на следующий день целую упаковку ручек и несколько толстых блокнотов.

Они несколько лет лежали у меня без дела в шкафу и переехали со мною в бункер. И вот, когда E02 стал угасать, я подумал о книге и стал...учиться писать. Первые мои буквы были похожи на страшных будьдогов, они то прыгали с остервенением вверх, то катились также беспорядочно вниз. Только по прошествии нескольких недель я стал выводить что-то более-менее достойное и теперь могу делиться с вами своими размышлениями.

Древние тоже писали дневники. Я как-то даже читал дневник одного подростка, это было очень занимательно и тоже заставляло задумываться о многих, казалось бы, уже известных истинах.

Пусть мои будни тоже послужат во благо нашего подземного царства. Я чувствую в себе потребность творить, и она должна быть исполнена.

Глава 3

Простите, что я так увлекся в предыдущей главе этой историей о моей любви к книгам, которая была привита дорогим воспитателем-метом. Но без нее, наверное, остальные записи не имели бы большого смысла. Я остановился на том, как к нам с E02 подоспели клоны.

Этим постоянным жителям наших окрестностей было чуждо сострадание и сочувствие. Поэтому они не стали долго церемониться со мною и сразу же закрутили руки назад. Затем один из них, видимо, решив оглушить меня, громко закричал прямо в ухо:

- Грязный урод, тебя велено доставить к Лобному месту!
- Да, сегодня мет наконец-то выпьет тебе по полной!

Над шахтой раздался громкий истерический хохот и оба приятеля поволокли меня к месту казни.

Иверетская шахта состояла из трех широких туннелей длиной почти в пятьсот метров. Один из них был отдан работникам, которых насчитывалось больше тысячи душ, а в другом находился Мертвый каньон, где велась главная добыча драгоценных металлов. Вход же в третий тоннель был завален огромным камнем. Никто из жителей шахты доподлинно не знал, что же находится в его стенах. Некоторые из клонов, особенно приближенные к метам и знающие гораздо больше положенного для своих бездушных номеров, предполагали, что в этом тоннеле обитала сама Великая Матка вместе с источником энергии, питавшей Великую Систему. Там же, как я предполагал, жили своей незамысловатой жизнью и сами создатели наших реальностей.

Все три тоннеля выходили к Лобному месту, напомиравшему своими огромными размерами городскую площадь. В центре его стоял наш Красный интернат – небольшое двухэтажное здание из темно-бардового кирпича. Прямо напротив него высился маленький эшафот - плоский камень, твердо втоптаный в землю. Раз в день или в несколько дней перед дверями интерната творилась публичная казнь. Провинившийся перед Великой Маткой работник ложился всем телом на камень и избивался плетью.

Обычно прилюдное унижение чинилось над работниками шахты, если последние вдруг отлынивали от труда, не выполняли дневную норму, или же, как мой E02, долго лежали больными.

Меты всегда старались изо всех сил, чтобы собравшаяся возле камня публика уходила довольной. Иногда виновного или, более того, измученного болезнью человека, забивали насмерть, и тогда клоны издавали громкий ликующий клич.

Для всех, кроме разве что нас с E02, публичная казнь была самой долгожданной и желанной частью дня. Вот и сегодня, когда клоны подошли со мною к Лобному месту, здесь уже собралась добрая половина шахты.

Безымянные номера сидели на голых пыльных камнях и с упоением ждали начала порки. Из окон Красного интерната смотрели через покрытые желтой пылью стекла, несколько серозеленых глаз, принадлежавших, видимо, его воспитанникам. Воспитатели-меты никогда не запрещали детям глядеть на казнь, и даже более того, сами старались подвести их поближе к окну, как только палач начинал наносить первый удар.

С силой опустив меня на эшафот, клоны отошли в сторону. Ваш несчастный слуга медленно снял робу и застелил ею и без того горячий камень. Затем, остановив взгляд на своем уже порядком выцветшем номере, я стал смиренно ждать мета.

Палач появился перед огромной ревущей толпой клонов спустя полминуты. Увидев мета, крепко сжимающего твердую, как камень, плетью, серые номера вскочили с земли и наперебой закричали в спину несчастной жертве:

- Убей его насмерть, мет!

- Сделай его калекой!
- Отправь его тело в огонь!

Мет хитро прищурил под маской глаза и, обратившись к разъяренной толпе, прокричал в их раскрытые красные пасти:

- О великий иверетский народ! Сегодня снова один из наших жителей нарушил закон Великой Матки. Я01, который все это время здравствовал, вдруг решил заболеть. Но зато Е02 наконец-то изволил выйти на работу. Но прежде, чем он будет допущен к добыче великой желтой энергии, я хочу спросить вас, достоин ли он состоять в ваших великих рядах? Он, пролежавший целых девяносто дней в теплой капсуле в обнимку с любимой игрой? Ведь в это время вы, его бедные товарищи, должны были гнуть спину, чтобы прокормить нашу Великую родительницу!

- Позор Е02!
- Позор Е02!
- Прочучи его хорошенько!

Мет, видимо довольный грозными возгласами, доносившимися из каждого уголка площади, поднял вверх правую руку. На Лобном месте воцарилось молчание.

- Я согласен, что виновник должен быть жестоко наказан. Сколько ударов заслуживает Е02?

С всех сторон, словно из прорвавшегося нарыва, полились зловонные голоса, полные безжалостной гнили:

- Сто!
- Триста!
- Тысяча!
- Пятьсот!

Мет расплылся в злорадной улыбке и громко крикнул толпе:

- Я буду бить Е02 до тех пор, пока кто-нибудь из вас не крикнет: «Довольно!».

Я кротко посмотрел в красные от крика лица толпы. Но в безумных глазах моих собратьев по цеху не было места жалости. Они пылали одним лишь гневом.

«Я буду забит до смерти, - отчаянно простонал я про себя, - и даже не попрощаюсь с Е02. А он, как он будет переживать, что отправил меня на погибель! Несчастный мой Е02!».

Еще по дороге к Лобному месту я решил про себя, что во все время порки буду лежать на камне с закрытыми глазами и молча отсчитывать удары. Но сейчас, когда мет оглашал приговор, я вдруг понял, чем должна была закончиться моя казнь. Мне захотелось вдруг снова, в последний раз насладиться бездушным видом Иверетских просторов, которым я отдал самые лучшие годы.

Попрощавшись мысленно с горячими каменными стенами шахты, я поднял взгляд на стоящий прямо напротив меня интернат, где прошли, пожалуй что, самые солнечные дни моей мрачной подземной юности.

В окнах душного Красного дома горел тусклый свет, которым щедро делились расставленные по всему залу керосиновые лампы. Несколько детских глаз смотрели с любопытством на несчастную жертву. Мне нравились маленькие лица клонов, которые все, как один, были розовощекие, круглолицые с большими серо-зелеными зрачками, в которых еще можно было разглядеть сострадание к замученным работникам.

В эту секунду я вдруг вспомнил, как вот так же когда-то на моих глазах был казнен один из клонов, над которым мет произнес такой же в точности суровый приговор. Но тогда я, маленький и покорный воспитательской воле, промолчал предательски и жестоко. Ваш герой всегда боялся суровых метов, учивших детей, что провинившихся работников нельзя жалеть, а тем более миловать. Долго еще серое бездыханное лицо забитого насмерть клона теребило

мою хрупкую детскую душу. Забыть его окончательно помогла лишь тяжелая кирка, которую вручили мне сразу же после того, как мы с E02 покинули стены Красного дома.

Выждав несколько секунд, пока клоны смолкнут, мет ударил плеткой по иверетской земле. Желтая пыль стройным столбом взвилась в горячий воздух шахты. Несколько громких вздохов просочилось из толпы к самому месту эшафота.

Следующий удар уже пришелся по моей спине, гладкой и черной от робы, никогда не выдавшей стирки. Я стойко выдержал первые тридцать прикосновений плети. Но уже на тридцать первом ударе боль наконец-то дала о себе знать.

Мне показалось, что кожу мою содрали заживо, и теперь плеть гуляет лишь по оголенным белым костям. Я смотрел на детей, в их круглые глаза, в которых читался животный страх, перемешанный с нездоровым зверским любопытством. Они следили внимательно, следили, не отрываясь ни на миг, за этим мучеником, прощавшимся с жизнью прямо у них на глазах.

Я начал кричать, мне вдруг показалось, что крик сможет хотя бы на несколько мгновений заглушить эту непроходящую и все нарастающую боль.

- По – по – щадите! – прорвалось у меня из горла.

Среди клонов раздался чей-то дерзкий смешок.

- По-по-щади! – прорычал я, повернув голову к палачу.

Но тот продолжал равнодушно размахивать плетью. И вдруг откуда-то сверху, с самой крыши Красного интерната раздался чей-то тоненький, едва слышный голосок:

- Довольно! Пожалуйста, довольно!

Я, мет, а вместе с нами и вся толпа клонов подняли головы вверх. Из распахнутого настежь окна второго этажа на толпу смотрел маленький пятилетний ребенок. Его крошечные кулачки спешно вытирали слезы, лившиеся дружным потоком из испуганных глаз.

Палач в ярости отбросил в сторону почерневшую от крови плеть и недовольно прокричал воспитателю, стоявшему за спиной мальчика:

- Уведите ребенка! Спектакль окончен.

А затем также недовольно прошипел над самым моим ухом:

- Что ж, в кровь твою, E02, видно были подмешаны счастливые гены. Благодарю дурака-мальчишку за свое избавление! Только вот недолго тебе придется нежиться на камешке. Чтобы после завтрака вернулся в шахту и выполнил сегодня двойную норму, а иначе завтра получишь вдвое больше ударов!

Для меня, задыхавшегося от счастья, слова мета прозвучали в ушах победною песней. Я радостно покачал головою в ответ. Медленно и осторожно, будто опасаясь, что мои кости вот-вот рассыплются, я поднялся с земли и сел на камень.

Клоны, внезапно лишившиеся представления, разочарованно бродили по Лобному месту в ожидании завтрака. На меня уже никто не смотрел. Видимо, живой и почти здоровый, я никому из них не был нужен.

Через несколько минут двери Красного интерната растворись, и несколько метов-воспитателей, облаченных в серые засаленные халаты, вынесли на каменных подносах железные миски с вечно зеленой овсяной кашей, в которую словно колья были воткнуты такие же железные плоские ложки. Небрежно оставив их на пороге, они удалились обратно.

Кухня для маленьких клонов и их более старших собратьев была общей и располагалась в подвале темно-бордовых стен. Я обычно смиренно выжидал очереди и не спешил первым к тарелкам. Но сегодня, несмотря на боль, пронизывающую спину, я быстро подполз к еде и вырвал прямо из-под носа подоспевшего клона заветный завтрак.

С исступленной жадностью стал поглощать я холодную овсянку, сваренную еще неделю назад, не замечая терпкий запах плесени. Наконец, отправив последнюю ложку в изголодавшееся от волнения чрево, я отбросил миску в сторону и отправился за компотом, который меты также оставляли возле двери.

Уже взяв в руки легкую стальную кружку, я вдруг вздумал снова посмотреть в то самое окно, из которого прозвучал мой спасительный приговор. Створки его были закрыты, но сквозь тусклое стекло я смог разглядеть те самые два пытливых зеленых глаза, выдернувшие меня из цепких лап смерти, уже витающей над эшафотом.

Я отбросил стакан в сторону, как какую-то совсем бесполезную вещь, и встав во весь рост сделал глубокий поясной поклон.

Мальчик поклонился в ответ и сейчас же скрылся из виду.

Глава 4

Я не знал точно, сколько времени провел за работой. К концу дня кирка моя почти расплавилась в истерзанных мозолями руках, которые рабочие Иверета всегда старательно прятали под черными резиновыми перчатками. Влажные от постоянно проступающего пота волосы, вылезшие из-под такого же черного, как смоль платка, неприятно теребили уши и заставляли каждые десять минут обращать на себя внимание. Но более всего меня мучила в этот день непроходящая боль от ударов, врезающая острыми копиями в спину.

Выгрузив последнюю телегу с собранными наспех камнями, я присел на проходящие рядом рельсы и пустым, отсутствующим взглядом посмотрел на бесконечную железную цепь из переполненных слитками вагонов.

Года три назад, когда я еще умел мечтать, мне хотелось хотя бы раз украдкой ухватиться за самый край последней вагонетки, чтобы вместе с ней улететь в небесную высь. Мне почему-то казалось, что все поезда, покидающие наш родной тоннель, непременно должны следовать наверх.

«Вот бы хотя бы одним краешком, да что там краешком, кусочком уголка, самой чуточкой посмотреть на небо», - мечтал я тогда и свято верил, что небесная голубая высь может сделать меня счастливым.

Но поезд с перегруженными вагонами каждый раз отходил без меня, оставляя в пыльном, удушающем подземелье.

И вот сейчас, глядя на вагонетки, уплывающие в самую глубь туннеля, я почему-то вспомнил о своих прошлых мечтах, которые еще недавно казались такими близкими и осуществимыми. Сбросив с себя перчатки, я посмотрел на покрасневшие пальцы, покрытые черной несмывающейся пеленой из пыли, и тихо заплакал.

Жизнь моя, которую я с таким трудом вытаскил из голодной пасти смерти, теперь казалась мне лишь длинной чередой вагонов, бесполезной и бессмысленной.

Я присидел бы так, возможно, до самой ночи, если бы не услышал позади себя громкий рык мета:

- E02, почему ты не выполнил свою норму?

Наспех смахнув черным рукавом робы слезы, предательски застывшие на щеках, я повернул к нему голову и робко произнес:

- Я выгрузил все в вагон.

- Все? Мне было передано от твоего смотрящего, чтобы ты выполнил сегодня тройную норму. E02, я вижу ты очень хочешь плети!

- Нет, я все сделаю, завтра, все как вы скажете, только не трогайте спину, - задыхаясь от страха перед витавшим в воздухе наказанием, залепетал я.

- Завтра? – усмехнулся мет. – Завтра тебя ждет очередная прилюдная порка и поверь мне, на этот раз тебе никто не крикнет: «Довольно!».

И улыбнувшись во весь частокол неровных и длинных зубов, он довольный засеменял за удаляющимся поездом.

«Может, это и к лучшему, конечно, к лучшему, - вздохнул я про себя, опустив глаза на темно-красную землю шахты, - в конце концов, лучше уж потерпеть немного боль, чем вот так, как E02, мучиться каждый день. Ах, E02, я же совсем тебя оставил, совсем одного!».

Только сейчас я наконец-то вспомнил о друге, который до сих пор лежал на кровати в совершенном одиночестве, больной и голодный. Подскочив скорее с места, я быстро, насколько позволяло мне удрученное работой тело, засеменял к дому, оставляя позади себя Мертвый каньон, в котором в последние несколько лет велась добыча желтой энергии.

Наконец, мысленно попрощавшись с последней группой работников, размахивающих кирками возле огромного буро-зеленого куска железа, я приблизился к лифту и с силой надавил на красную сигнальную кнопку.

Оказавшись в родном Первом тоннеле, я подоспел к бункеру, находившемуся почти на самом углу Железной улицы. Мимо проплывали сморщенные силуэты клонов, привыкших после бурного рабочего дня давать волю скверным привычкам. В эти вечерние часы воздух Иверетской шахты, и без того погрязший в пыли, наполнялся подавляющим все живое запахом дешевых рабочих сигар.

Спрятав нос под воротом робы, я еще быстрее зашагал к дому. Приблизившись вплотную к хлипкой деревянной двери, я дал волю легким. Сделав несколько громких вздохов, я ворвался в бункер и тут же в оцепенении застыл на пороге.

Прямо посреди единственной комнаты, на большом камне, где мы с E02 каждый день устраивали ужин, сидели двое незнакомых клонов и в совершенном спокойствии играли в покер. Заметив меня, они лишь на секунду подняли головы и, поприветствовав холодными улыбками хозяина дома, принялись снова раскладывать карты.

- E02! – закричал я и бросился к капсуле товарища.

На ее крышке ровной горкой были сложены его запасная роба и синие шахтерские штаны.

- Где E02? – еще громче заголосил я.

Клоны громко захохотали.

- Тебе, видимо, мет выбил не только кости, но и мозги, - еле выдавил из себя сквозь захвативший горло смех один из рабочих, на чьей робе было небрежно вышито синими нитками «Н13».

Я непринужденно улыбнулся в ответ и направился моей капсуле. Железное ложе было открыто, но вместо E02 в нём мирно покоились две футболки и пара штанов, принадлежавших, видимо, кому-то из игравших в карты.

И тут я уже начал догадываться, вместо кого могли быть присланы сюда эти двое. Громко вскрикнув, я подлетел к ничего не подозревавшему Н13, который спокойно доигрывал партию, схватил его за плечи и с силой, на которую мог быть только способен человек, отработавший весь день в душной шахте после полученных утром плетей, начал трясти.

- Куда вы дели его, куда?! Скажите, где он! - умоляюще проголосил я прямо в покрасневшее лицо Н13. Клон виновато отвел голову в сторону.

- Приятеля твоего вынесли еще утром, - тихим размеренным голосом ответил за товарища сидевший напротив игрок. – Мет приказал Н13 занять его место.

Руки мои словно две высохшие плети упали вниз. Я осторожно присел на камень возле Н13, опустил голову на колени и застонал.

- Хватит, хватит, - резко бросил в мою сторону освобожденный Н13, который очень хотел во что бы то ни стало продолжить игру. – Он был уже трупом, мы бы ничем не смогли помочь, тем более ты. Иди лучше к мету, спроси, что делать с его робой. Я бы взял ее себе, тебе она явно будет маловата.

В Первом тоннеле было по-прежнему нестерпимо душно. Запах сигар, приправленных виски, которыми так любили себя потчевать клоны, продолжал стоять в воздухе. Но я, казалось, не замечал жары. Мое тело сжималось и дрожало преступной дрожью, будто его только что достали из холодной, как пропасть, проруби.

Дом мета, отвечавшего за наш Железный квартал, того самого мета, который сегодня размахивал плетью на Лобном месте, стоял почти на краю тесной улицы. В отличие от нищих бункеров, где дружно ютились клоны, он не был выбит в стене. Так же, как и Красный интернат, жилища зрителей были построены из кирпичей и окрашены в определенный цвет, напоминающий о том положении, которое они занимали в подземном обществе. Меты, следившие за покоем на улицах Первого канала, жили в синих жилищах по двое. Дома бригадиров-метов и

метов-перевозчиков были устроены прямо в Мертвом каньоне. Они были сделаны из желтого и желто-красного кирпича. И, наконец, меты, воспитывающие будущих работников Иверетской шахты, жили в Красном интернате, рядом с детьми.

Сделав три негромких стука, я приготовился ждать, так как меты не всегда открывали дверь с первого раза. Но сегодня, к моему удивлению, бригадир появился передо мною буквально через секунду.

Два карих глаза, просачивающиеся сквозь узкие разрезы маски, хитро смотрели на меня, будто что-то замышляя про себя.

- Где Я01, где его тело? – простонал сквозь слезы ваш несчастный слуга, забыв совершенно про положенный поклон.

Глаза мета сощурились в довольной ухмылке. Тело его, спрятанное в черный домашний костюм, исчезло в дверях. Однако спустя какое-то мгновение он вновь предстал передо мной, сжимая в руках небольшой черный ящик.

- Здесь, - весело выпалил мет и приподнял вверх свою находку.

Я пошатнулся на месте. Мне было знакомо лучше других, куда девали меты земной прах всех клонов, отходивших в мир предков. Однако сама мысль о том, что я не смогу уже потрогать или хотя бы краем ладони прикоснуться к телу товарища, наполнила мою душу отчаянным безумием. То, что сейчас держал в руке мет, было так не похоже на моего родного, высокого, худощавого Е02. Это были куски золы, истлевшие клочки бумаги, черная угольная пыль, все что угодно, только не мой Е02! Е02, родной Е02 лежал где-то рядом и ждал, когда губы названного брата прикоснутся к его стальному прохладному лбу.

- Отдайте тело, прошу вас, отдайте обратно тело! – бросив умоляющий взгляд на мета, прокричал я.

- Отдать? – переспросил бывший палач, продолжающий все также издевательски улыбаться. – Пожалуйста, я не жадный!

И открыв крышку ящика, мет высыпал его содержимое прямо у меня под ногами.

Я тихонько наклонился к тому, что было когда-то крепким и здоровым Е02, тем самым Е02, который любил кидаться в меня подушками по утрам и рисовать на каменных стенах красочные пейзажи любимой Цаядесской долины. Теперь это был просто пепел, сухой, черный и безжизненно-жесткий.

Я потянулся за ящиком, но мет с диким смехом убрал его обратно в дом и громко прогорланил в раскаленный воздух:

- Клоны, сюда, скорее сюда!

На его истошный крик сбежались почти все жители Железной улицы. С красными от виски глазами, едва стоящие на ногах они преданно смотрели в рот своему господину и с нетерпением ждали приказа.

- Сегодня, почил Я01, мои дорогие, почил на девятнадцатом году своей жизни. Этому юному обитателю Иверета удалось пережить даже старого Л205, который всего две недели не дотянул до своего шестнадцатилетия. Бедный наш Е02 сильно переживает, что не смог проводить товарища в последний путь. Так давайте сейчас с вами вместе организуем для Я01 достойные похороны!

И сейчас же под дикий хохот мета ко мне подлетели несколько клонов и, взяв меня крепко под локти, оттащили скорее в сторону. Остальные собравшиеся накинулись на лежащий перед ними прах Е01 и с чудовищною холодностью, на которую может быть только способен человек, никогда не знавший о сострадании, стали втоптывать его в грязную землю.

Я еще несколько секунд в отчаянном бессилии смотрел на это кощунственное беззаконие, которое творилось прямо под боком. Затем я почувствовал, как слабеет мое тело, и без того истощенное событиями прошедшего дня. Издав протяжный вздох, я без сознания упал на землю.

Глава 5

Все, что случилось со мною потом, произошло уже глубокой ночью, когда я был уже в капсуле. Но и об этих событиях мне нужно рассказать подробно в этой записи. Во мне есть еще силы писать (а пишу я очень ранним утром, пока мой сосед клон дремлет в капсуле).

Я чувствую, что эти самые мои ночные видения будут иметь совсем скоро какую-то особую силу.

[E02, вы снова стали частью Великой Системы. Разблокировать вашу учетную запись?]

Я приоткрыл один глаз и тут же вынужден был зажмуриться из-за слишком яркого цвета, исходившего от системного сообщения. Быстро кликнув по знакомой зеленой кнопке, я приготовился ждать появления Цаядесской долины, где так любил проводить свои ночи мой кровный сосед. Первое, что услышали мои уши, успевшие соскучиться по умиротворяющей тишине, было тихое, едва различимое журчание воды.

Снова открыв глаза, я увидел перед собой длинную, простирающуюся на несколько километров равнину, усеянную зеленой травой. У правого ее края протекал небольшой серебристый ручеек, который разделял ее на две неравные половины. Южная, западная и восточная часть земель были огорожены высокими серыми скалами, закрывающими дальнейший обзор. На восточном краю Цаяда находился лес, к которому вела уже хорошо протоптанная тропинка.

Я перевел взгляд на свою грозную одежду охотника, в которой каждый день совершал набег на крагиботов смелый E02, и мне захотелось тут же немедленно повторить его подвиги.

Скоро мирные пейзажи Цаядесской долины оказались далеко позади. Уже приблизившись вплотную к гордым корабельным соснам, вершины которых почти протыкали небо, мне вдруг пришло на ум, что в моих руках нет совершенно никакого оружия.

Но как только в голове у вашего героя промелькнула эта мысль, в нескольких метрах от меня, прямо в воздухе, словно по неведомому волшебству, повисли три цветные картинки. На одной из них была изображена веревка, на другой – лук, и, наконец, на третьей – пневматическое ружье.

Тот же приторный голос, встречавший меня при входе в игру, произнес:

[Выберите оружие]

Рука моя потянулась сначала к луку, но я тут же отдернул ее в сторону, вспомнив, что совсем не умею стрелять. Во второй раз мой выбор пал на тугое и прочное лассо. Как обращаться с веревкой, ваш покорный слуга знал лучше любого работника. Про ловкие мои узелки, благодаря которым я мог связать из самых прохудившихся бечевок крепкий надежный трос, знали даже меты. Последние обычно никогда не стеснялись обращаться ко мне за помощью, когда нужно было поднять наверх какой-нибудь груз.

Вот и сейчас из всех предложенных бездушных спутников крепкое лассо казалось самым надежным и верным. Я осторожно кликнул по картинке и немедленно отпрыгнул назад. Прямо на меня откуда-то сверху упал черный льняной мешок с выглядывавшим наружу краем толстой бечеvy.

Накинув на плечи дар, посланный Великой Системой, я скорым шагом пошел покорять крагиботов. На входе в сосновый бор всех непрощенных гостей встречала узенькая витиеватая дорога, ведущая в самую чашу леса.

Длинной вереницей потянулись перед моими глазами нескончаемые ряды зеленолиственных великанов. Сосны были прекрасны видом, однако в их облике крылась одна интересная особенность, которая сильно меня смущала. Все они были и ростом, и сложением своим похожи между собой как две капли воды и чем-то напоминали живущих в Иверете клонов. Будто художник, нарисовав одно дерево и посчитав его совершенным, остальные просто размножил через копирку и приклеил рядом со своим первенцем.

Однако долго думать об этом мне не пришлось. Мысли мои в скором времени заняло другое событие. Уже оставив позади почти половину леса, я наконец вышел на широкую светлую поляну, посреди которой мирно стояли два тучных серых камня, высотой в человеческий рост. На одном из них, расположившимся слева, были нарисованы двое мужчин, обнимающие друг друга за плечи. На другом тоже был изображен человек, только он стоял совершенно один, в окружении толстых сундуков, из которых выглядывало золото.

[Слава или дружба? E02, выбери скорее путь, который приведет тебя к истине].

Я, не задумываясь ни секунды, потянулся к первому камню. «Сегодня я потерял товарища. Быть может, мне встретится по пути охотник, который станет для меня новым другом и братом?» - пришло мне на ум, и я поспешил скорее в левую сторону.

И снова длинная дорога повела меня сквозь узкие стены из гладкоствольных гордых корабельщиков. Миновав добрых пять километров, я почувствовал вдруг подступающую к телу слабость и решил, что пришло время сделать привал. Разложив свой мешок на и без того мягкой, усеянной рыжими иголками земле, я тихонько присел и отдался на волю мыслям, носившимся в голове.

Несмотря на то, что моей главной целью был поиск нового знакомого или даже друга, мне почему-то хотелось, чтобы весь мой остальной путь так и продолжался в тишине и полном покое. Я поймал себя на мысли, что давно уже не гулял в одиночестве, которое так необходимо любому человеку.

Но только лишь я об этом подумал, как сейчас же откуда-то сбоку раздался громкий отчаянный визг, принадлежавший, вероятно, какому-нибудь небольшому животному.

Немедленно соскочив с места, я встал в полный рост и приготовился к бою. Быть может, с этого самого мгновения и начинается бесконечная череда приключений, которыми, по словам E02, всегда был полон Цяядесский лес?

Ваш герой быстро нырнул в лесную гущу. Тихо и плавно освобождая дорогу от толстых веток, норовящих то и дело захватить меня в свои цепкие объятия, я приблизился вплотную к месту, откуда раздавался голос.

Последним оказалась небольшая, свободная от сучьев поляна, посреди которой сидел маленький дикий ягненок, ростом со взрослого трехлетнего пса и жалобно выл. Левая передняя лапа его была спрятана между огромных железных зубьев капкана, в которые он так неудачно попался.

Я улыбнулся от умиления и подступившей к сердцу жалости. Увидев незнакомца, да еще и в человеческом облике, муфлон встал на все четыре лапы и воинственно замычал. Но тут же вынужден был снова откинуться с жалобным воем назад из-за сильной боли.

Я наклонился к ягненку и, поглаживая одной рукою по жесткой белой морде, другою принялся искать вокруг себя какую-нибудь твердую толстую ветку. Но, к большому сожалению, на поляне почти не было палок, а идти снова в чащу я считал неразумным делом, так как животное, оставшись в одиночестве, могло сбежать прямо с капканом на лапе.

Я почти отчаялся, когда вдруг вспомнил про подаренную Системой бечеву и, скинув на землю рюкзак, поскорее достал лассо. Засунув край веревки между острыми зубьями грозной ловушки, я осторожно разжал железные челюсти. К счастью, лапа была только слегка помятой. Зубья не успели проткнуть зверю в кожу. Освобожденный муфлон радостно заблеял и принялся облизывать руки спасителя. Я весело засмеялся и завалился на спину, потащив за собой обрадованного звереныша. Ягненок завизжал от восторга.

Так, за игрой друг с другом мы не заметили, как к нам приблизился кто-то третий. Уже поднявшись с земли, я увидел еще одного охотника, одетого точно в такой же серый мешковатый костюм.

Лицо его было совсем худое. Но несмотря на эту бледную худобу, оно было невероятно хорошо собой. Тонкий острый носик и большие карие глаза воинственно смотрели на мир и выдавали в появившемся незнакомце человека храброго и сильного духом.

- Ты сломал мой капкан и отнял у меня добычу, - грозно прокричал он своим тоненьким голосочком.

Его грозные слова вызвали у меня улыбку: звонкий ребяческий голос показался мне очень забавным. Маленький охотник поспешил нахмуриться, сдвинув тоненькие треугольные брови.

- Ему была дарована жизнь, - тихо, стараясь сохранять серьезность, промолвил я. – А это гораздо важнее пустого желудка.

- Пустого желудка? – засмеялся юноша, обнажив ровный ряд небольших, немного выпирающих наружу зубов. – Я думаю пустой желудок гораздо важнее пустой головы. Ну как можно быть таким глупым Е02, и подумать, что Амиц тебя в очередной раз простит!

И снова нахмурившись юный храбрец, вынул из маленькой сумки, небрежно свисавшей с плеча, такой же маленький острый кинжал. Я вскочил на ноги и знаком показал ягненку, чтобы он бежал в лес. Несколько секунд глаза мои старательно наблюдали за противником. Мне до последнего мгновения казалось, что все действия и слова последнего – не больше, чем попытка завоевать мое внимание. Ведь Амиц был только наивным юнцом, который лишь хотел казаться более взрослым и храбрым в глазах старших товарищей.

Но первая же атака маленького охотника чуть не лишила меня жизни. Амиц ловко и мягко, словно пантера, прыгнул прямо к моим ногам и нанес сокрушительный удар по руке. Житель сурового Иверета вовремя отдернул кисть, но уже через секунду последовал новый удар, который на этот раз пришелся в ногу.

Нож Амица разрезал мой сапог пополам.

«Нет, я не могу все время уклоняться назад, он гораздо проворнее меня», - сокрушенно подумал я про себя, пряча руку от очередного удара.

Ловкость, прыгучесть и быстрота, - вот те главные качества, которые, видимо, помогали Амицу одерживать верх над врагами. Его неспешные шаги как будто старались заморозить противника. Однако уже через мгновение они сменялись решительной атакой, которая почти всегда была точной.

Три из восьми ударов Амица попали в цель. Я не чувствовал боли (именно за это качество мы с Е02 всегда любили Систему). Однако ваш герой понимал, что юный охотник гораздо сильнее его. И мысль эта была для меня скверной и неприятной. Она втаптывала в грязные сосновые ветки мое самолюбие и заставляла считать себя слабым.

«Я не могу так быстро и ловко передвигать ногами. Поэтому сопротивляться здесь бесполезно. Это приведет лишь к новым ударам», - снова обратился я к своему застывшему разуму, уворачиваясь от очередной атаки.

И в это же мгновение я вспомнил о собственном оружии, валявшимся без дела прямо посреди поляны.

Бросившись стремглав к веревке, я выдернул ее из капкана и также быстро скрутил булень, оставив небольшую петлю. Затем, повернувшись обратно к противнику, стал смиренно ожидать нападения.

Амиц поднял вверх правую руку с зажатым кинжалом и подпрыгнул почти на целый метр вверх. Житель подземного бункера не заставил себя ждать. Я бросил вперед лассо и связал петлей ловкие ноги юнца. Маленький охотник с грохотом повалился на землю. Довольный собственной ловкостью, я подтянул к себе испуганного не на шутку Амица, с силой выхватил из его руки кинжал и бросил в сторону.

В глазах юного храбреца появились слезы.

- Убей меня сейчас им, убей! - прокричал он мне в уши.

- Убить? – переспросил я, удивленный его просьбой. – Зачем мне вдруг тебя убивать? Или ты сам не хочешь жить?

- Проигравший однажды, уже проигравший, - шепотом, едва слышно, произнес расстроенный боец.

Я присел на корточки и осторожно взял в свои широкие ладони маленькую голову Амица.

- У меня нет никакого желания это делать, слышишь, совсем никакого. Так же, как не было желания, чтобы ты меня убивал. Поэтому я тебя и связал. Так ведь будет лучше для нас обоих, правда?

- Тогда, - прошипел Амиц, которого окончательно раздавила жалость противника, - тогда я убью тебя сам!

И быстро, насколько может только двигаться человек, чьи ноги связаны плетью, он подполз к кинжалу, небрежно оставленному врагом, схватил его свободной правой рукой и направил на меня.

- В этой игре победитель один! – захлебываясь от собственных слез, беспрестанно подступающих к горлу, прокричал Амиц и, закинув руку с кинжалом назад, приготовился метнуть его прямо в сердце обидчика.

Глава 6

Возможно, юному охотнику, удалось бы совершить задуманное, но в это же самое время мы услышали несколько звучных рыков, прозвучавших совсем близко с поляной.

Амиц сейчас же опустил оружие и знаком приказал мне молчать:

- Тсс, ни с места! Это крагибот!

Я уже был наслышан от своего покойного соседа о страшных жителях Цаядесского леса, ютившихся небольшими племенами среди кустарников и любивших совершать нападения на охотников, которые случайно оказывались у них под боком. Бедный работник Иверета знал лучше, чем кто бы то ни было, чем могла закончиться встреча с этими кровожадными полуживотными. Поэтому, как только я услышал от Амица, что к нам навстречу движется крагибот, тело мое тут же лихорадочно затряслось.

В отличие от меня, Амиц был почти спокоен. Единственным знаком, который мог выдать его внутреннее волнение, была правая бровь, взмывавшая каждую секунду ввысь.

- Мы сейчас в одной лодке, так что предлагаю действовать сообща, - вонзившись глазами в меня, быстро прошипел владелец кинжала, освобождая от веревки ноги. – Ты их отлавливаешь лассо, а я добиваю ножом.

Я согласно закивал головой. В эту секунду я готов был исполнить любой приказ своего недавнего врага и даже, если понадобится, признать поражение.

Неслышно переместившись к тому самому краю, откуда послышался звук, я замер с поднятой над головою веревкой.

Непрощенные гости не стали долго мучить охотников. Однако первый крагибот, прыгнувший на поляну из дремучей чащи кустарников, заставил меня на несколько секунд замереть от подступившего к сердцу изумления. Чудовище, о котором еще покойный Е02 отзывался с великой осторожностью и даже ужасом, показалось мне сейчас совсем не страшным и даже, более того, немного забавным на вид.

Это был очень маленький, ростом не больше десяти дюймов, зверек, с ярко рыжей, почти пламенной шерстью, продолговатой лисьей мордой и крошечными, едва различимыми круглыми ушками. Они находились на самой макушке и смешно торчали вверх, напоминая рожки молодого козленка.

Единственное, что смущало обычно тех, кто впервые видел перед собой крагибота, были чересчур длинные тонкие лапы, напоминающие своим видом удавки. Они были без пальцев, покрытые тонкой гладкой жилистой кожей такого же пламенно-рыжего цвета, что и шерсть. Со стороны могло показаться, что у этого животного совсем нет конечностей, так как то, что было его передними и задними лапами, было похоже скорее на веревки, бездумно торчащие из туловища.

Я тут же самонадеянно предположил, что если все остальные крагиботы будут такого же в точности размера, как и этот, то мы с Амицом быстро с ними расправимся. Мне уже не терпелось выбраться и Цаядесского плена и оказаться в своем родном Иверете, в котором не было ни страшных чудовищ, ни беспощадных охотников.

Хитро подмигнув маленькому напарнику, стоявшему на противоположном конце поляны, я сделал устрашающее движение вперед и тут же был сбит с ног. Ловкие лапы крагибота обвили, словно путы, обе мои ноги и повалили на землю.

Ваш герой, смелый еще несколько мгновений назад, вскричал от испуга. Я попытался освободиться руками от жестких конечностей врага, мертвой хваткой вцепившихся в мои колени, но хитрое маленькое чудовище лишь сильнее сжало лапы.

Амиц, все это время лишь молча наблюдавший за поединком, решил наконец-то покинуть пост и помочь своему товарищу по несчастью. Аккуратно, еле слышными шагами он приблизился к крагиботу сзади и занес над ним кинжал.

Но злобный противник, будто почуявший неминуемую беду, быстро отпрыгнул в сторону вместе со мною.

Злобно скалясь на Амица своими желтыми крошечными клыками, сквозь которые протекала наружу желтая слюна, крагибот издал громкий протяжный писк, больше похожий на младенческий плач. И сейчас же в ответ на его призыв раздался целый хор точно таких же режущих ухо звуков.

Мы с Амицем закрыли уши и с отчаянным плачем наблюдали, как изо всех кустов к нам навстречу посыпались крагиботы. Спустя буквально минуту лесная лужайка, на которой лежал ваш охотник со связанными ногами, стала пламенно-рыжей от наполнивших ее зверенышей. Я не мог сосчитать, сколько же крагиботов в точности выползло на поляну. Одно было ясно сейчас: мы с Амицом вряд ли выберемся сегодня невредимыми из Цаядесского леса.

Новые пришельцы с силой набросились на моего маленького товарища. Амиц попробовал отбиться кинжалом, но лишь напрасно порезал воздух, настолько рыжие бестии оказались проворными и изворотливыми. Один из крагиботов, вероятно славившийся особой ловкостью среди товарищей, выкинул в прыжке заднюю лапу и выхватил ею единственное оружие юноши. Остальные члены огромной стаи, заметив, что их противник теперь беззащитен перед опасностью, с силой накинулись на Амица и опутали его со всех сторон своими длинными конечностями.

«Вероятно, это конец, - с сокрушением воскликнул я про себя. – Хуже и позорнее смерти вряд ли можно придумать!».

Полными жалости и сочувствия глазами посмотрел я на своего недавнего врага, который извивался, словно удав, в лапах противников. Мне хотелось помочь Амицу, но только я пытался пошевелить свободными руками, как тут же лапы рыжих зверенышей сжимали еще сильнее и без того уже синие от удавок ноги.

- Они меня задушат, задушат! – кричал в отчаянии Амиц в светлое небо Цаяда, но в ответ лишь слышал веселое чириканье птиц, которым были чужды его страдания.

«Это конец, самый, самый конец», - подумал я и закрыл глаза, не в силах смотреть на мучения юного смельчака.

Вдруг откуда-то из-за деревьев послышался ровный топот копыт. Острые ветви малиника, раскинувшегося совсем рядом с опрокинутыми на землю жертвами, с треском опустились к земле, и сквозь зеленые заросли показалась свирепая морда муфлона.

Это был уже взрослый окрепший дикий баран, который зачем-то решил прискакать на место неравной схватки. Увидев грозную его морду, заключенную с двух сторон в крепкие стальные рога, крагиботы взвизгнули от испуга и немедленно взмыли на самую высокую сосну.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.